

Александр Стерхов

КОГДА

замирает время

Александр Стерхов
Когда замирает время

«Издательство «Перо»

2025

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Стерхов А. В.

Когда замирает время / А. В. Стерхов — «Издательство «Перо»,
2025

ISBN 978-5-00258-529-8

Юный герой романа «Когда замирает время», крайне любознательный с детства, взрослея, ищет ответы на все более серьезные жизненные и философские вопросы. Поиск истины приводит его в Церковь, где он встречается людей, посредством которых находит ответы на многие из них. Но попав туда, он замечает много таинственного и загадочного, не подвластного человеческому разуму. Например: «что такое время, и какое оно?» И снова: вопросы, вопросы, вопросы... В философскую канву неожиданно вплетается лирическая тема, которая постепенно становится едва ли не основной в романе. Любовь к девушке, желание создать семью и найти свое призвание по-новому раскрывают для него смысл жизни, создают новые вопросы и дают ответы на них...

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-00258-529-8

© Стерхов А. В., 2025

© «Издательство «Перо», 2025

Александр Стерхов

Когда замирает время

Просите – и дано будет вам;

ищите – и найдете;

стучите – и отворят вам...

(Мф 7:7)

© Оформление. ООО «Издательство Перо», 2025

© Александр Стерхов, 2025

Семен был человеком любознательным с детства. Его постоянно донимали вопросы: что, как, да почему? Он без конца приставал с расспросами к окружающим, в особенности доставалось отцу, который был человеком терпеливым, но порой и он срывался в раздражение. Отец насколько мог, пытался объяснять суть заданных вопросов, а когда родительский запас познаний иссякал, делал вид, что его ждут неотложные дела, снимал сына с колен и, ласково шлепнув, отправлял от себя:

– Ну, все, Семка! Иди играй на сегодня хватит! После потом про это в книжках прочитаешь или в школе расскажут.

Семка хмурил нос и нехотя уходил: ему хотелось все узнать прямо сейчас. У него рано обнаружился жгучий интерес к знаниям и родители, как могли, старались это стремление поддерживать. Особенно интересовали Семку естественные науки – все, что было связано с жизнью на земле, например: почему на Юге тепло, а на Севере холодно? Или отчего звезды не падают на землю? Почему зимние дни короче? и так далее. Ему объясняли, с трудом извлекая из памяти знания, полученные еще в школе, но уже изрядно обветшавшие к настоящему моменту. Родителям с каждым годом все труднее было удовлетворять неиссякаемую любознательность сына, а потому покупали ему много книг. Им даже удалось невероятными усилиями «достать» редкую серию книг энциклопедии для детей, что явилось предметом их гордости. Семка с превеликим удовольствием «глотал» книжки, и не чувствовал в этом вопросе насыщения. Чем глубже он вовлекался в водоворот знаний, тем больше вставало перед ним различных вопросов. От постоянного чтения у него рано «подсело» зрение, и вскоре в школе его стали звать не иначе, как «очкарик». Родители не особо беспокоились, что сын много времени просиживает за книжками, почти совсем не гуляет, не носится с мячом в компании таких же пацанов. «Пусть лучше дома сидит, да полезные вещи изучает, уличной «шпане» и без него хватает! Может, в ученые выйдет», – говорили они. И действительно, школьные успехи его были просто потрясающи. Он непринужденно побеждал в школьных и районных олимпиадах знаний, и как тогда говорили: «твердо шел на золотую медаль». Все учителя пророчили ему блестящее будущее, ни у кого не было и тени сомнения, что Семен, окончив школу,

поступит в университет. Но этому случиться было не суждено. Накануне самых выпускных экзаменов он внезапно тяжело заболел. Сказалась напряженная учеба, постоянные занятия без передышки и отсутствие оздоровительной физической нагрузки. Началось все с обычного гриппа, который стремительно «набирая обороты», едва не сжег его высокой температурой. Через неделю болезнь стала как будто отступать, и Семен почувствовал себя лучше. Он ни за что не желал пропустить экзамены, и как только температура начала понемногу приходить в норму, отправился на занятия. Это решение сыграло с ним злую шутку, едва не погубив. На ту пору весенняя погода установилась достаточно теплая, и многие люди уже оделись по-летнему. Но совершенно неожиданно выскочил запоздалый заморозок. В то утро Сема простоял дольше обычного на остановке, ожидая транспорт. Он лишь немного, как ему показалось, подморозил ноги, но этого оказалось достаточно, чтобы болезнь вернулась вместе с тяжелейшим осложнением. Через сутки он вновь лежал в горячке, и врачи жестко боролись за его жизнь. Его увезли вначале в реанимацию, а затем поместили в неврологическое отделение, где он и провалялся около трех месяцев. Когда состояние его здоровья более-менее пришло в норму, все его однокурсники, окончив школу, уже были в «свободном плавании». Семен же еще оставался ее учеником, не сдавшим выпускных экзаменов...

Когда его выписывали из больницы, заведующий нервным отделением позвонил домой и пригласил родителей для разговора. Семку от этой встречи под благовидным предлогом отстранили; врач решил, что будет лучше, если родители постепенно подготовят его к тому, что Семке предстояло узнать. Когда они привезли сына домой, то окружили таким вниманием, что было невозможно не почувствовать: от него что-то скрывают, и Семен настороженно ждал. Наконец, вечером отец собрался с духом и сказал:

– Слушай, сын, – сказал отец, – ты уже взрослый, и надеюсь, не тряпка, и сможешь, как мужик выслушать «без всяких там соплей» не совсем приятные новости.

– Я уж догадался, – мрачно сказал Семен. – Я попробую, говори...

Сема, – слегка оживившись, продолжил отец, – не все так плохо, на самом деле. Главное, что ты выжил в этой тяжелой болезни. Мне сказал врач, что фактически ты был на грани жизни и смерти, буквально, на шаг от нее! Это было действительно ужасно! Я даже не представляю, как нам удалось это все перенести...

– Мы с матерью даже ходили в храм молиться за тебя, чтобы остался жив. Мама все ночи не спала и плакала, стоя перед иконами на коленях.... Вот, Семка! А сейчас, наконец, все хорошо, и ты снова с нами. Можно даже смело сказать, с тобой чудо случилось!

Отец едва заметно смахнул набежавшую слезинку. Помолчав и чуть успокоившись, отец продолжал:

– Сема, ты не переживай: университет – это еще не все, многие люди живут без него, работают, имеют семьи и вполне счастливы. Окончили, в лучшем случае, училище либо колледж. И что? Разве от этого они плохие люди?

Отец замолчал. Утешать других – это был не «его конек», а потому не знал, как продолжать дальше.

– Ладно, отец... говори уж все, как есть. Что тебе сообщил врач?

Николай Петрович, – так звали отца Семки, продолжал:

– Доктор сказал, что проблема действительно есть: у тебя серьезное нервное заболевание, и понадобится какое-то время, чтобы организм восстановился и пришел в норму. Он так и сказал: «С большой долей вероятности со временем все пройдет». Но сейчас, крайне важно поберечь себя. А это значит, что занятия и учебу придется пока на время отложить.

– А как же школа? Выпускные экзамены... ведь я...

– Не беспокойся, сын. Мы с мамой уже обо всем договорились с директором. Твой персональный вопрос был поставлен на педсовете и там вынесли решение: выдать тебе аттестат

об окончании школы на основании среднего балла по всем предметам. Однако учитывая, что ты экзамены все же не сдавал, они были вынуждены понизить общий результат на один балл. Их тоже, думаю, можно понять... Короче говоря, у тебя будет хороший аттестат, и совсем без троек...

– Как «без троек?!» О чем ты говоришь, папа?! – закричал Семка. – А как же моя медаль? У меня по всем предметам было всегда только «отлично»! Я так старался! Даже противную мне «химию» учил по ночам! И все ради того, чтобы окончить с медалью!

Отец заметно хмурился. Было видно, как тяжело у него на душе, и с каким трудом давались слова:

– Про медаль, сын, придется забыть... и давай уже, как мужчина! Ты же, надеюсь, понимаешь: разве в медали дело?! Главное – это знания, а они у тебя есть. Ты молодой и еще ничего не потеряно, – университет никуда не уйдет. Но только сейчас, первым делом, поправиться надо! А уж после, – жизнь покажет, а мы тебе всегда поможем.

Отец бережно взял его за руку, крепко по-мужски сжал ее и, посмотрев сыну прямо в глаза, твердо сказал:

– Ничего, Семка! Я верю, что все будет хорошо, и у тебя со временем все получится!

* * *

Прошло примерно полгода. Труды врачей и молодой организм сделали свое дело: болезнь, что надломила его жизнь, почти не проявляла себя, она словно спряталась внутрь, и лишь временами напоминала о себе головной болью. Временами из-за этого он плохо спал, почти не хотел читать, смотреть кино, и даже мысли, как ему казалось, доставляли боль. Когда она, наконец, отступала, продолжал читать или смотрел познавательные фильмы. Всякого рода боевики со стрельбой и женские мелодрамы Семен презирал. Со временем стал почитать и более серьезные книги, когда уже стал посещать храм. Он заметил, что после храма ему становилось легче: боль притуплялась, а иногда проходила совсем. Но все по порядку.

Случилось это далеко не сразу. Первый раз они пришли туда с мамой. Она уговорила сына зайти в церковь вскоре после его возвращения домой. Мама нашла убедительный аргумент для этого: ей удалось уговорить Семку сходить в церковь, чтобы «поблагодарить Бога» за свое чудесное выздоровление. Семен особо не противился. Он хорошо еще помнил, как лежал в бреду, который не казался обычным сном, но некой полуживью. В ней он видел себя, одиноко бредущего по склонам мрачных скал. Какие-то загадочные и страшные чудовища, выползая из трещин, пытались спихнуть его в пропасть. Едва он уходил от этих, как являлись другие, похожие на гигантских скорпионов, которые стремительно приближались к нему. Он помнил, как его обдавал смертельный холод, когда эти чудища пытались дотянуться до него своими ядовитыми хвостами. Так продолжалось мучительно долго. Он едва уходил от них... И когда они обступили его со всех сторон, то он мгновенно понял: все, спасения нет! Вдруг, откуда-то сверху, пробивая мрак, упал тонкий лучик света, из которого вдруг вылетело множество прозрачно-белых светящихся мотыльков. Они слетали и садились на него, было их очень много – целая туча. Семен разглядел на их лапках словно бы маленькие острые мечи. Они вскоре устремились на чудищ, и те, как сраженные, падали и уже не двигались. Лучик упал ему на лицо, и тут он услышал голос: «Иди за мной». Он хорошо помнил, как шел вслед луча, и там, где падал его свет, рушились и расступались мрачные скалы... Последнее, что помнил из этого видения Семен, как он вышел в свете луча на широкий и светлый простор.

Все, увиденное им тогда, сильно врезалось Семке в память. Фрагменты этого бредового видения повторялись в его снах, отчего он просыпался и долго не мог заснуть. Страх и пере-

житый ужас, неожиданное счастливое избавление – все это мистически, но в тоже время и явно, перекликалось со случившимся в реальности. Всякий раз, когда видение возвращалось, он заново переживал ужас отчаяния и радость избавления. С каждым разом он все отчетливее понимал, что это вряд ли случайно, и вероятно существует связь этих образов и происшедших событий. Семка все больше осознал, что ему помогли, спасли от смерти, но не понимал, кто и зачем это сделал? В чем причина этого чудесного избавления? Он не раз делился с мамой мыслями об этом. Она внимательно слушала сына и с уверенностью говорила:

«Это Бог тебя спас! Он помог тогда тебе во время болезни, и нужно его обязательно за это поблагодарить! Думаю, тебе нужно пойти в храм и поставить за себя свечку».

В глубине души Семен с мамой соглашался: «Хорошо, пусть так, – думал он. – «Допустим, что есть «некто», кто помог мне тогда, но с какой целью все это делает? Кто я ему? И почему скрывает себя от людей, если не делает ничего плохого? И если, как мама говорит, «он добрый, всесильный и управляет всем миром», то как тогда понимать: для чего вокруг происходят всякие несчастья? Зачем Он допускает страдания людей? Кому нужны бедствия, катастрофы, войны? И если Он действительно добрый, то *зачем допустил ему болезнь*, сделавшую его несчастным?»

Семен много думал, пытаясь найти ответ или хоть какое-то разъяснение, но у него ничего не выходило. Он много читал научно-популярных журналов и книг, надеясь что-то прояснить, но о существовании книг духовного содержания тогда еще не знал. Семка и в данном случае пытался применить научный подход и полученные раньше знания. Он хорошо представлял, как выстраиваются логические цепочки, знал, что следствия возникают из причин, любил математику с ее строгими формулировками. Во всем ему нравилась определенность и последовательность. Но как видно: наука ему особо не помогла, и в результате долгих размышлений Семен пришел к единственному и, как ему показалось, верному решению: обратиться за разъяснением к первоисточнику. А это означало одно: нужно пойти и спросить непосредственно у самого Бога! Таковы оказались его выводы относительно сложившейся ситуации. Они и явились главной причиной для посещения храма.

После возвращения из больницы Семка долго не мог войти в новый непривычный ритм жизни. Родители всячески «обхаживали» его, желая угодить, в чем только можно. С честью для него нужно заметить, он не стал спекулировать на родительских чувствах и ничего особо себе не просил. Да и все, что ему требовалось: интернет, книги, компьютер – было и до болезни. Когда в очередной раз мама предложила ему сходить в храм, Семка, после недолгих размышлений, согласился. Внутренне он был готов и искал встречи с Тем, кто был причиной всего, что случилось с ним за последнее время. В причастности Его к этим событиям он почти не сомневался.

В храм они пришли вечером. Службы на тот момент не было, и лишь несколько человек стояло у свечной лавки. Мама тоже встала в очередь, купила свечи. Они были холодные, немного скользкие на ощупь и приятно пахли воском, мать подала ему несколько штук.

– Иди вон туда, направо, к иконе Николая Чудотворца, а еще к Богородице, что в центре храма, – показала ему мама, – поставь им свечки. Я тогда возле них молилась за тебя...

Он послушно выполнил указание матери, и теперь просто стоял у подсвечника, всматриваясь в мерцающие отблесками пламени, лики святых. Семен прислушивался к себе, но ничего особенного не ощущал и стал с интересом осматриваться в новой непривычной обстановке. В храме было тепло и тихо, городские шумы и суeta не проникали сюда сквозь толстые стены. Горящие свечи создавали некую волшебную обстановку, навевали образы новогодних представлений, которые он весьма любил в детстве. Их яркие огоньки вырывали из полумрака

храма широкие и светлые круги. Края их колыхались и двигались в неведомом сказочном танце и, казалось, что в кругах этих обитают лишь радость и веселье, и нет места для печалей и бед. Он стоял в одном из таких кругов, из которого не хотелось выходить, и продолжал наблюдать, как горят свечи, как они, рождая тепло и свет, постепенно тают и исчезают, оставляя на подсвечнике крохотный дымящийся огарок.

«Забавно, – думал он, – вот она только что была, а теперь уж и нет! Интересно: зачем и кому они нужны? Свечка... – продолжал свои размышления Семка, – какой с нее прок? Неужели Бог нуждается в этом крохотном источнике тепла и света? И если, как мама говорит, что Бог хозяин неба и земли, то выходит, и космос в его полном распоряжении: звезды, планеты, Солнце». Семка вообразил, насколько ничтожно малая, пусть, миллиардная доля солнечного света, и даже того меньше, будет многократно превосходить по силе свет всех свечей, которые только есть на земле! А потому, казалось ему, зажигать их бессмысленно и абсолютно не логично. Размышляя таким образом, он не заметил, как сзади кто-то подошел и тихонько обратился к нему:

– Молодой человек, вам чем-то помочь?

Семен обернулся. Перед ним стоял немолодой уже батюшка в какой-то длинной, черной одежде. Он никогда прежде не общался с теми, кто посещал церковь, и уж тем более, со священником разговаривать не приходилось. Он почувствовал себя неловко, не представляя себе, как нужно беседовать с такими людьми. А потому, Семен просто кивнул головой.

– Меня зовут отец Георгий, – сказал священник.

– Можете ко мне так и обращаться или просто «батюшка».

Священник, чуть улыбнувшись, продолжал:

– Вижу, вы новичок у нас в храме, раньше я вас здесь не замечал. У вас, может, какой-то вопрос есть?

– Да, батюшка... отец Георгий, – неуверенно произнес Семка. Меня зовут Семен.

Вы правы, я хотел бы кое о чем спросить...

– Ну, что ж? Если вопрос не сильно сложный, спрашивайте прямо сейчас, – ответил священник.

– Я не знаю сложный он или нет, просто хотелось узнать: зачем нужны все эти свечи? Для чего их, вообще, люди ставят? Мне мама сказала, что я, таким образом, могу поблагодарить Бога. И вот... тоже поставил свечку.

– А что у вас есть повод Его благодарить? – спросил батюшка.

– Думаю, да, – сказал Семен.

– Ну, раз так, тогда вы все правильно сделали.

– Постойте, батюшка, но разве можно сопоставить то, что Он сделал для меня, с ценой кусочка воска, который, к тому же, очень быстро сгорит? Получается, что от моей «благодарности» ничего и не останется?

Священник внимательно посмотрел на него и сказал:

– А вы молодец, Семен. У вас очень пытливый ум, поскольку довольно интересно ставите вопрос! Только вот односложно ответить на него вряд ли получится. Здесь потребуется время, чтобы порассуждать и кое-что понять. Давайте мы сделаем так: вы, как сможете, приходите сюда ближе к обеду, сразу после Литургии, я к этому времени, как раз освобожусь, и у нас будет время спокойно побеседовать. Познакомимся поближе, а заодно, может, захотите рассказать, что вас беспокоит. Хорошо?

– Спасибо, отец Георгий, я обязательно приду! – пообещал Семен. И довольный заспешил навстречу поджидавшей его маме.

* * *

– Ну как? – спросила она, когда они вышли из храма.

– Поговорил с батюшкой?

– Да, – ответил Семен, – и ты знаешь: батюшка позвал меня на беседу! Я так понял, что он будет ждать меня.

Последнее он сказал с явным удовольствием.

– И что, пойдешь? Кстати, ты не сказал: понравилось тебе в храме?

Семен задумался. Он вспоминал свои пережитые ощущения.

– Знаешь, мама, – сказал он, – я еще не знаю насчет того: понравилось или нет... это какие-то не те слова. Мне кажется, что они здесь не вполне уместны. Пожалуй, единственное, что могу сказать прямо сейчас: *там просто хочется быть.*

Семен, помолчав немного, добавил:

– А еще отец Георгий показался мне весьма интересным и добрым человеком, я обязательно постараюсь встретиться с ним!

Когда они вернулись домой, отец по выражению его лица понял, что Семен начинает обретать, изрядно утраченный за последнее время интерес к жизни, но предпочел пока ни о чем не расспрашивать.

Случилось так, что быстро устроить назначенную встречу не удалось. Снова болезнь вмешалась в его планы. Два последующих дня Семен не находил себе места от боли. Лекарства помогали слабо и полностью от нее не избавляли. Утром третьего дня он почувствовал себя несколько лучше и решил пойти в церковь. Когда он входил в храм, Литургия уже закончилась, люди шли приложиться кресту и постепенно расходились. Семен подждал отца Георгия на том же месте, где они познакомились. Вскоре тот вышел из алтаря и, заметив Семку, подошел, улыбаясь.

– А я уж, грешным делом, думал не придете, – сказал батюшка.

– Да вот, приболел немного, – чуть смущаясь, проговорил Семен, – голова что-то опять...

– Понимаю, – кивнул головой отец Георгий и спросил:

– Ну, как? Не нашли еще ответ на свой вопрос?

Семка отрицательно покрутил головой.

– Тогда знаете что... – священник на секунду задумался и решительно предложил:

– А давайте пойдёмте со мной в трапезную и выпьем чаю! А заодно и побеседуем. Время уже обеденное, а я еще и не завтракал.

Заметив немой вопрос на лице юноши, батюшка пояснил:

– Такие, знаете ли, правила. Священники перед Литургией не едят. Так прописано с древних времен. Литургия – величайшее таинство! Самое великое из всех прочих, ради которого, собственно, и храмы строят, да...

Семка не стал упираться, и они прошли в трапезную, которая располагалась в подвале храма. Он был немного удивлен, проходя мимо различных подсобок, каких-то коробок и хозяйственных помещений. О том, что они находятся в церкви, здесь уже мало что напоминало. Он заметил лишь кресты, нарисованные, или как ему показалось, выжженные пламенем свечи, над дверными проемами, да еще, встречавшиеся им на пути сотрудники храма останавливались и просили у батюшки благословения.

– Вам даже здесь покоя не дают, – заметил Семка, – они что, не знают, что вы еще даже не кушали? Могли бы и после...

– Знают, но значит не могли, – заметил батюшка.

Наконец они вошли в просторную, светлую трапезную. С одной стороны к ней примыкала кухня. Оттуда доносился привычный шум, свойственный любой кухне: позвякивание

кастрюль, тарелок, журчание текущей воды, а также завораживающе-аппетитный запах еды. На стенах висели картины-гравюры на темы то ли мифов, то ли сказок. Везде, где только можно, стояли цветочки на ажурно вырезанных подставках. Здесь были как-то по-особому поставлены столы, которые располагались рядами в виде буквы «П», еще несколько столиков стояли отдельно.

Они расположились за одним из таких маленьких столов. К ним вскоре подошла немолодая женщина в чистом белоснежном переднике и спросила:

– Молодой человек с вами, отец Георгий? – и добавила, – вам на двоих подавать?

Получив утвердительный ответ, женщина отошла, и вскоре у них на столе оказался вполне полноценный обед из нескольких блюд.

– Батюшка, вы же говорили только про чай, – заметил Семен.

– Верно, говорил, – подтвердил отец Георгий, приступая к салату из капусты. – Но перед чаем, как ты знаешь, следует подкрепить себя и прочей едой, особенно тем, кто трудился и служил, а еще тем, кто желает получить добрые знания. Так что, давай ешь!

Уже перед чаем батюшка расположился к разговору.

– Не возражаешь, Семен, если буду говорить тебе «ты»?

– Конечно, батюшка, говорите.

– Итак, – начал он, – ты спрашивал, зачем в храмах свечи?

Так вот. Во-первых, вполне банально – для освещения. В старину, когда не было электричества, нужны были источники света. И особенно они были нужны в местах, где находились святые иконы. Человеку во время молитвы важно видеть на иконе лик. Ведь молитва – это общение. Во время нее мы обращаемся к святому, изображенному на ней, как к живому. Мы и сейчас, если уважаем собеседника, разговаривая, смотрим в лицо. Так и здесь. Через икону мы словно наблюдаем далекий, не ведомый пока нам, духовный мир, подобно тому, как через обычное окно можем наблюдать за происходящим снаружи. А свет от свечи в этом помогает. Для того же служат и лампы. Только там вместо воска горит масло, и время горения у лампы значительно дольше, чем у свечи. Службы-то наши, особенно в древности, были значительно более длинные, а потому практичней было зажигать лампы, чтоб не отвлекаться от молитвы.

Когда батюшка ненадолго замолчал, Семен решил спросить: – А что «во-вторых», отец Георгий?

– Торопитесь знать, молодой человек? – с едва заметной иронией произнес священник.

– Верно, заметил он, это еще не все. Но дальше уже будет чуточку сложнее для понимания.

Батюшка отпил еще несколько глотков чая и сказал:

– Давай попробуем сначала и, как говорится, по порядку. Прежде всего, скажу несколько слов о самой церкви.

Я сейчас говорю о ней в привычном для большинства людей понимании: как о месте, где совершают богослужения. На самом же деле, Церковь – это совсем нечто другое. Церковь – это люди, общность людей, которых объединяет вера, но сейчас не об этом речь. И вот еще, сразу хочу заметить: мы еще даже не начали говорить, а уже столкнулись с некоторыми смысловыми трудностями...

Здесь, у нас в Церкви, вообще-то, «все очень не просто», хотя, в то же самое время, и просто! Ты знаешь, я сам до сего времени не перестаю многому удивляться! Чтобы вы знали, молодой человек, я служу уже более двадцати лет только как священник, а Церковь для меня по-прежнему великая загадка... Она таинственна и свята, она подобна живому организму, а в действительности, таковым и является. Она рождается, развивается, иногда претерпевает болезни, страдая от них, вновь оживает, но никогда не умирает! Смерти она не подвержена,

наоборот, она всегда побеждает смерть! И будьте уверены: во все века так было и будет! Ты, возможно, спросишь: «Почему не умирает и в чем ее сила?»

Семен молча кивнул головой.

– Хороший вопрос. Дело в том, что вечно живущий Бог, сотворивший Церковь, до сего дня продолжает жить и действовать в ней. Не случайно люди говорят, что Церковь – Дом божий. Он хозяин в своем доме, а пока хозяин жив, то и дом не разрушится и не исчезнет. Приходя в нее, мы приходим в Его дом, приходим, исключительно, как гости. И вот, кстати, было бы хорошо, чтобы некоторые из людей об этом всегда помнили. Но, к сожалению, не всегда бывает так...

Батюшка отпил еще чая и продолжал:

– Мне иногда случается наблюдать в храме нехорошее поведение людей, которое в неглубокой древности получило бы общественное порицание, а еще в более глубокой, могло привести таких людей на плаху. Мы не должны обольщаться тем, что сейчас другое время: изменились критерии нравов, модели поведения и прочее. Лично меня всегда «убивает» выражение: «мода на церковь», что якобы она прошла и современному человеку Бог и Церковь не нужны. Человек всегда жил и продолжает жить перед Богом, он всегда в поле Его зрения, и Бог постоянно оценивает действия каждого человека. И время никак повлиять на наши отношения с Ним не может: Закон Божий не имеет временных ограничений, и дан в пользование человечеству навсегда. Ибо и Сам Господь продолжает быть неизменным, и на все времена один и тот же. Об этом же и говорит Священное писание. «Иисус Христос вчера, и сегодня, и во веки Тот же... (Евр. 13:18) Разве можно представить себе картину, когда отец, наблюдая с гордостью за своим сыном, еще вчера делающего успехи и подающего надежды, а сегодня, доставляющего отцу множество огорчений своим дурным поведением, продолжал бы пребывать в радостной эйфории от того, что сын стал мерзавцем и негодяем?! Разумеется, нет, ибо это есть вне всякой логики. Все свои представления о морали, образы мыслей и поведения, которые люди привнесли в современное общество и с чем они пытаются иногда войти и в дом Божий – есть ничто. В Церкви действует только один закон, который определил хозяин дома – божий Закон. Нарушители этого закона подлежат справедливому божьему суду и низвергаются прочь из Его общения. Разумеется, если человек делает ошибки неосознанно либо по неведению, Господь прощает, точно, как мать со снисхождением взирает на детские шалости ее ребенка. Чтобы не заходить слишком далеко, хочу лишь сказать, что в церкви происходят весьма серьезные вещи, а потому здесь нет места для шуток, споров и пустых разговоров. Входящий в храм должен понимать, что с этого момента он находится под юрисдикцией и покровительством Бога, а земная мораль и законы общества остаются за его пределами. Что еще следует понимать, когда вы идете на встречу с Богом? Свою ответственность за нее. Необходимо помнить, что вы не есть самодостаточное существо, а *творение божие*, и исключительно из этого выстраивать всю цепь своих отношений с Творцом. На первый взгляд, все как будто просто, но в действительности человеку это весьма трудно осознать и принять. И для этого есть причины, о которых мы пока говорить не будем. Чтобы помочь человеку правильно определить свое место в иерархии Жизни, и существуют богослужения, где посредством словесных образов и музыкальных форм ему прививается Истина. Но это еще не все. Наряду с внешними зрительными и звуковыми способами воздействия, которые бывают от людей (чтецы, певцы), в храме божьем с человеком невидимо общается и сам хозяин дома – Бог. И если служба в храме в силу ограниченности человеческой бывает не всегда, то общение с Богом возможно в любой момент. Когда бы мы ни пришли сюда: днем либо ночью, всегда есть возможность встречи с Ним.

Отец Георгий приостановился, чтобы допить остывающий чай.

– Ты наверно думаешь, Семен, что вот батюшка заговорил на отвлеченные темы, а на твой вопрос ответить забыл, так?

– Нет, не думаю. Мне кажется, что все, что вы сейчас рассказали, мне знать нужно, и это поможет мне легче понять и суть моего вопроса, – ответил Семен.

– Да, Семен, все верно! Но на самом деле, это даже не сотая доля того, что нужно знать о Церкви. И чтобы не утомлять твою большую голову вещами пока что сложными для тебя, я хочу попробовать уже «простыми словами» объяснить то самое «во-вторых», что тебя интересует.

Итак, представь такую ситуацию: ты поссорился с приятелем, дружбой с которым очень дорожишь, и даже более того: в чем-то зависим от него. Ты знаешь, что сам стал причиной этой ссоры, и на тебе лежит вина в ее возникновении. А еще понимаешь, что отныне лишился помощи приятеля во многих вещах. И что теперь? Напрашивается логичное решение: надо как-то мириться, ибо нынешняя ситуация крайне невыгодна, прежде всего, для тебя. Но тогда уж придется как-то объясниться с ним, и первым делом, признать свою неправоту, принести извинения и, чтобы окончательно загладить ссору, преподнести ему что-нибудь в подарок. И вполне возможно, что после этого появится шанс вернуть к себе расположение приятеля! Вот такая история. И что ты об этом думаешь? Тебе этого ничего не напоминает? – спросил отец Георгий.

– Вы хотите сказать, что когда я ставлю свечку, то пытаюсь этим «задобрить» Бога за какую-то свою провинность перед ним, так что ли? – спросил Семка. – Но, если я виноват в чем-то серьезном, может ли эта свечка удовлетворить Его? Допустим, что я взял у друга покататься скутер и разбил его, он что: удовлетворится тем, что я куплю ему вместо него пачку сигарет или бутылку «колы»?

– Ты правильно рассуждаешь, Семен. Однако забываешь, что в данном случае имеешь дело не с приятелем, а с Богом. Твой приятель в этом примере ограничен в силах и средствах. Разбитый тобой скутер для него – серьезная потеря. Для Бога любой материальный ущерб – ничто, даже если ты сожжешь огромный склад с самыми дорогими телефонами. Ибо вся материя на земле и вне ее – Его творение и, по большому счету, – Его собственность. Абсолютно «своего» у нас нет ничего. Нам только кажется, что мы что-то имеем и чем-то владеем. В реальности, мы получаем в пользование какую-либо вещь, как бы «по доверенности». Есть такая форма правового договора у людей. Слышал, надеюсь?

Семка утвердительно кивнул головой.

– Вот видишь, Семен, – в реальности оказывается *все не так*, как нам представляется. Сегодня кто-то думает, что владеет огромным состоянием и может купить половину мира, а уже завтра – мировая война, и деньги его – прах и пепел! Все в этом мире подвижно и крайне неустойчиво. Что может человек против Бога? Да ничего!.. Но давай-ка снова вернемся к нашим свечкам.

Понимаешь, Семен, общение с Богом – дело не простое. Мы, люди, в силу своего несовершенства говорить с Ним на его языке не можем. А потому, – Ему приходится общаться с нами на понятном для нас языке. Если ты читал Евангелие, то наверняка помнишь, что Господь Иисус часто говорил с иудеями языком притчей, то есть иносказательно. Потому что сказать напрямую часто не представляется возможным. Точно так бывает, когда родители пытаются что-то новое объяснить ребенку. Они находят понятные ему формы смыслового восприятия: через картинки, игрушки и так далее. Мы же для Бога всегда дети, и потому подобный образно-смысловой язык продолжает иметь место в Церкви. Наши богослужения глубоко символичны: каждый предмет, каждое действие ассоциируют в человеке определенный образ или событие. Особенно это касается Литургии. Ты, конечно, знаешь о том, как Господь Иисус Христос добровольно принес себя в жертву, и был распят на кресте? Эта тема, которая стоит отдельного серьезного разговора. Скажу лишь главное: Господь показал нам образ величайшей любви к людям, какой и представить нам невозможно! И как сказано в Евангелии: «Нет больше той любви, аще кто положит душу свою за други своя» (Ин. 15: 13) Вот так! Сам Бог сошел с небес, чтобы принести себя в жертву за грехи человеческие. И сотворил это для того, чтобы научить

нас любить. Ибо если в мире воцарится Любовь, то исчезнут все противоречия, ненависть и злоба. Уйдут в небытие кровопролития и войны!

И чем мы можем ответить Господу на такую его Любовь и заботу о нас? Конечно же, только взаимной любовью к Нему. И, как думаешь, каким образом мы можем выразить Ему свою любовь?

– Что? Свечка? – спросил Семен.

– Да, Семен, и свечка в том числе. Но это лишь, самое малое.

Отец Георгий допил чай и, быстро взглянув на часы, заметил:

– Ого, друг! Заговорились мы, однако, с тобой. Что нам делать? Мне уже пора идти по делам, давай-ка мы с тобой в другой раз договорим, идет?

– Хорошо, батюшка, – сказал Семка, – когда у вас найдется для меня время?

– А ты приходи так же, как сегодня, – после службы. Ты же свободен, как я понимаю: не учишься и не работаешь?

– Да, пока свободен.

– Вот и хорошо. Буду тебя ждать.

– Спасибо, отец Георгий за беседу. И за обед тоже.

– А это надо Бога благодарить и еще наших поваров. Давай-ка мы с тобой это и сделаем.

Отец Георгий встал, и, повернувшись лицом к большой иконе, висящей по центру трапезной, прочитал короткую молитву благодарения. Семка посмотрел, как крестился батюшка, и тоже, перекрестившись, поклонился в сторону иконы. Уходя, он поблагодарил поваров на кухне:

– Спасибо, вам за обед!

– Во Славу Божию! – донеслось с кухни.

* * *

Весь остаток дня из головы Семки не выходил разговор с отцом Георгием. Он узнавал совершенно новые для себя вещи и находился под впечатлением того, что услышал и увидел. Он не знал до этого церковной жизни, не представлял, что в ней вообще происходит, и лишь по слухам мог судить о людях, что посещают ее и служат в ней. Ему прежде представлялось, что в храм ходят исключительно темные, малограмотные люди, да еще обделенные телесно: разные калеки и инвалиды, которых он иногда встречал возле храма. Весьма нелестные имел по слухам представления и о священниках. В школе кто-то из ребят рассказывал анекдоты про батюшек, в которых попы – «жадные и тупые пьяницы», и что они только и делают, что обижают людей! Семен был поражен тем, что не увидел совершенно ничего из того, что рассказывали школьные «приятели». Ему даже стало неловко от того, что какое-то время носил в себе эту откровенную мерзость. Отец Георгий поразил его своей добротой, интересными и глубокими рассуждениями, какой-то своей внутренней строгостью, образованностью и организованностью. В церкви он увидел строгий порядок, какую-то особую дисциплину и, вместе с тем, простоту. Он вспоминал и продолжал размышлять о своем разговоре с батюшкой, и все больше обнаруживал в себе крайне низкий уровень познаний. Все, что он читал и изучал раньше, попадало в какой-то второстепенный разряд человеческих знаний, а на главное место в вопросе понимания мироустройства вставало теперь совсем другое: таинственное и неведомое. И что больше всего поражало Семку: он едва ли не нутром чувствовал правоту батюшки. Его душа и интуиция подсказывали ему, что истина находится где-то рядом.

Мама Семки готовила ужин, когда он зашел к ней в кухню. Он присел на стул. Мать ласково посмотрела на него и спросила:

– Что, проголодался, сын?

– Еще нет, – бодро ответил Семка, – меня отец Георгий в храме накормил весьма сытным обедом! Кстати, там очень прилично и вкусно готовят.

– Неужели? – удивленно взметнув брови, спросила мать. – А я думала, что ты считаешь, твоя мать готовит лучше всех!

В ее голосе едва заметно прозвучали ревнивые нотки.

– Мама! Конечно же, твоя еда лучшая, – спохватился сын, – ты у нас с папой «золотая» повариха, и мы очень любим тебя и всю твою еду! Ты просто непревзойденный кулинар и безумно вкусно всегда нас кормишь!

– Ладно, Семка, не подлизывайся, – примирительно сказала мать. – Скажи лучше, что у тебя нового?

Он задумчиво и серьезно посмотрел на нее и неожиданно тихо спросил:

– Мама... а вот, скажи мне: Ты когда ходила молиться за меня, что-то чувствовала возле икон в тот момент?

Она отошла от плиты, и села за стол напротив него. Лицо матери накрыла тень скорби от нахлынувших грустных воспоминаний.

– Что тебе сказать, Сема... тяжело нам тогда с отцом было. Я все время плакала и просила Господа, чтобы он оставил тебе жизнь. И в храме я тоже плакала и молилась, мысленно просила об этом Николая Чудотворца и Богородицу...

Ты спрашиваешь: что я чувствовала тогда? Я уже не помню, я ведь находилась в таком ужасном состоянии! Для меня тогда все перепуталось: день, ночь. Все словно плыло перед глазами... Хотя... постой! – она внезапно глубоко призадумалась, что-то вспоминая.

– Возможно, мне это просто показалось...

– Ну, что? Что тебе показалось, говори скорей, – нетерпеливо проговорил Семка.

– Вечером накануне твоего перевода из реанимации, – медленно и неуверенно продолжала она, – кажется, это было именно тогда... да! Я молилась у иконы Святителя Николая.

Ты знаешь, мне на миг показалось, что он улыбнулся мне, и я как бы даже услышала внутри себя голос: «Не бойся, все будет хорошо!» Я удивилась, но тогда подумала, что начинаю сходить от горя с ума, и постаралась поскорее забыть это, но вот, – ты мне снова напомнил.

Мать помолчала какое-то время и, печально улыбнувшись, произнесла:

– Вот видишь, так и случилось: ты поправился, и мы с отцом этому ужасно рады!

Мать встала, обняла Семку и, потрепав его за волосы, тихо сказала:

– Слава Богу, что Он услышал нас, и мы опять все вместе! Слава Богу!

* * *

Прошло примерно около года. За это время в жизни Семки случилось много перемен. Главное – он стал более реально смотреть на себя и на многие вещи, оценивать свои силы и возможности. Его знакомство с отцом Георгием переросло в нечто значительно большее, чем дружба. Фактически для Семена батюшка стал вторым отцом. Он стал трудиться в храме, поначалу изредка приходя и помогая, как доброволец. Вскоре это переросло уже в жизненную потребность, и отец Георгий благословил его на работу в храме, после чего Семен вполне официально был зачислен в штат сотрудников церкви. И хотя его должность, по мнению родителей, являлась довольно скромной – он числился чтецом и помощником завхоза, но сам Семен полагал, что занимается делом весьма важным и ответственным. Кроме того, что принимал активное участие в богослужениях, он следил за состоянием храмового имущества: за наличием в алтаре угля, ладана, свечей и всего прочего, что было необходимо для службы. Иногда приходилось вместе с завхозом выезжать в небольшие командировки, в основном в пределах города, где он уже действовал в качестве грузчика. Все эти труды занимали у него довольно много времени, и даже большинство воскресных дней для него оказывались рабочими. Из-за

такого графика его работы сократилось общение с родителями, которые поначалу выражали свое недовольство, но позже смирились, понимая, что парень нашел свое место, где ему действительно хорошо. По мере того, как церковная жизнь мало-помалу становилась частью и его жизни, постепенно стали меняться и его привычки. В своей комнате он поместил маленький иконостас, перед которым постоянно горела лампадка. Ко всему этому он взял себе в правило чтение молитв по утрам и вечерам, и был недоволен, если его отвлекали от этого занятия. В целом, Семен не считал себя религиозным фанатиком, поскольку просто видел во всех этих действиях *реальную пользу* для себя. Так его научил мыслить отец Георгий. С тех пор, как он стал постоянно трудиться при храме, появилась возможность чаще встречаться и разговаривать с батюшкой. Отец Георгий как-то сказал:

– Все что мы здесь делаем: трудимся ли, молимся ли, – ничего особенного не совершаем. Так и должно быть. Молитвенное состояние человека – это всего лишь *его нормальное состояние*, точно такое же, когда человек дышит, ест, спит...

И не более того! Здесь нет никакого особого подвига, потому как *мы это и должны делать*. Богообщение крайне необходимо, и прежде всего, для самого человека. Оно наполняет его жизнью, и сама жизнь обретает смысл. Так было положено изначально, с момента сотворения мира. Наши древние прародители Адам и Ева жили в постоянном общении со своим Творцом. Оно было необходимо им, но крайне необходимо и нам! Когда человек живет с Богом, он подобен путешественнику, имеющему рядом опытного проводника, который знает все тонкости маршрута, все его опасные места, способен в любой момент прийти на помощь. И давай вообразим другую ситуацию. Нас высадили на маршрут без карты и проводника посреди пустынной саванны в окружение голодных и хищных зверей. И далеко ли в таком случае нам дадут уйти? Да нас тут же разорвут! И мы вполне отчетливо это видим в окружающей жизни, как подобные им звери – грехи и страсти, пожирают людей, калеча и убивая их. Мы привыкли видеть пользу и целесообразность в каких-то простых вещах, но почему-то не хотим замечать очевидную пользу от общения с Богом! Нам представляется крайне важным иметь научные знания в различных ее областях, но только не в богопознании! Эта сфера знаний не представляется важной в ее прикладном смысле и значении. Такая ситуация поистине парадоксальна. Человечество пытается постичь окружающий мир, заглянуть за горизонт в бесконечные просторы космоса, а получается, что в это же самое время не видит буквально перед собой! И причиной тому может быть только сам человек, а точнее его состояние...

– Батюшка, – перебил его Семка, – вот вы говорите, когда молимся, то ничего особенного при этом не совершаем, а как же тогда понимать подвижничество святых? Их молитвенный подвиг? Про это ведь так и пишут: «подвиг».

– Здесь, Семен, снова имеет место слияние смыслов.

В данном случае слово «подвиг» не означает какой-то геройский поступок или что-то из ряда вон выходящее. Ты верно заметил, что выражение «подвижничество» здесь подходит больше: смысл его – «подвизаться», то есть просто трудиться, и при этом – никакого героизма.

– Так это, что получается? Что святые ничего особенного и не сделали?!

– Точно так. Ничего особенного.... Они просто делали и поступали, *как должны были сделать*, то есть их действия и поступки были *просто нормальны*. Но нормальны они с точки зрения Бога, но не людей!

– И как это понимать? Что святые – это всего лишь нормальные люди?

– Конечно. Они те, кто Богу приятны, поскольку следуют божьим правилам и поступает, как должно. Они ему угодили своей праведной жизнью или поступком. Оттого и называются – «угодники Божии».

– А как же остальные люди? – спросил Семен.

– А остальные – грешники. И я думаю, что большинство из нас в их числе...

– Пойдите, батюшка! Ну ладно, я-то может и грешник, но вы? Столько лет уже служите Богу! Как такое может быть?

– Ну а почему нет? Исцелять раковых больных не умею, из мертвых воскрешать – тоже, по-китайски не разумею, так кто же я тогда, как не грешник?

– А что святые все это могут?

– Ну, может не все и не всегда при жизни, но как показывает практика: им Господь дает то, что нам, грешным людям, обычно не дано. От того, как жил святой при жизни, в каких делах более всего преуспел и угодил Богу, часто зависит, какими дарами и способностями отметит его Господь после смерти.

– А почему лишь после смерти?

– Потому что «абсолютной святости» при жизни не бывает. Человек, какой бы праведной жизнью ни жил, неизбежно, так или иначе, согрешает. Мы просто не в состоянии не грешить. Вот к примеру, если автомобиль, работающий на бензине, движется, то за ним неизбежно тянется шлейф дыма из отработавших газов. А если дыма нет, то и машина не едет. Машины, ты знаешь, бывают разные: по типу, размеру, своему техническому состоянию. И одни дымят сильно, другие меньше. Так и люди: одни грешат больше, другие, может, совсем мало, но в любом случае, все равно грешат. И прекращается это только со смертью. А когда уже новые грехи перестают поступать на этот своеобразный «греховный баланс» человека, Господь уже может подвести итоги его прижизненной деятельности и определить степень праведности. Кстати, вот почему вопрос канонизации и прославления человека всегда рассматривается Церковью лишь после его смерти. Смерть останавливает в человеке живущий в нем грех. Точно так поступают врачи, когда изолируют заразных больных, помещая их на карантин. «Я хорошо помню, – сказал отец Георгий, – в детстве я заболел корью, и ко мне долго никого не пускали. Даже на двери нашей квартиры висела бумажка с предупреждением: «карантин: корь!» И это было очень правильно, поскольку сохраняло от заражения других людей. У древних иудеев, как мы знаем, тоже действовал карантин в отношении прокаженных (болеющих проказой) людей. Им под страхом смерти было запрещено приближаться к другим людям. Вспомним Евангелие о десяти прокаженных мужах (Лк:85). И получается, что смерть, как бы противна для нас она ни была, совершенно необходима, как инструмент, позволяющий прекратить в человеке действие греха. После воздействия на человека этого страшного скальпеля, Бог оценивает баланс добрых и худых его дел, и если первых окажется много больше, то Господь, как бы «доочищает» его всего, возвращая человеку его первообразную чистоту. В этом смысле наши прародители до своего грехопадения пребывали в святости, и это не было чем-то выдающимся: просто *нормальное состояние человека*. И точно так следует полагать и в отношении всех прочих святых.

– А мы, что, получается «не нормальны», что ли?

– Да, Сема, чего уж тут нормального, когда люди творят то, что подчас и зверю в голову не придет. Ты сам видишь, что происходит в мире, да и вокруг нас. А если сказать больше, и внутри нас. И это абсолютно так и есть!.. Но ситуация не безнадежна, как это было до пришествия в мир Господа Иисуса Христа. После Его воплощения и животворящей жертвы на Кресте, мир получил долгожданную надежду. Люди услышали благую весть об избавлении от смерти, этого многовекового проклятия! Ты уже знаешь, что Святое Евангелие, которое мы все время читаем на службах, это и есть та самая «Благая весть».

– Да, батюшка, знаю. Только не понимаю одного: отчего люди, услышав ее, не торопятся поступать, как им предписывает Господь?

– А это, опять же, по причине греховности человека. Из-за его внутреннего повреждения. Ведь это такая страшная болезнь – грех, что поражает всего его полностью. И первым делом страдает разум. А поскольку он непосредственно управляет человеком, что можно от него ожидать? Все становится понятным, если взглянуть на пьяного или больного умом человека, что почти одно и то же. Человек теряет контроль над собой, он не понимает, что проис-

ходит вокруг, не может адекватно реагировать на внешние воздействия. И можно ли ожидать от него разумных действий? Ответ очевидный. Вот поэтому люди и не спешат обращаться к Богу, поскольку просто не замечают нависшей над ними опасности. Ведь пьяному – море по колено! Слышал такую поговорку?

– Да, отец Георгий, – задумчиво ответил Семен.

Получив ответ на свой очередной вопрос, Семка еще долго «переваривал» содержимое разговора с батюшкой и даже пытался обсуждать это в кругу семьи. Мама с живостью откликнулась, но часто затронутые темы оказывались для нее уже слишком сложными, и тогда она апеллировала к отцу, чтобы тот помог ему разобраться. Но у отца Семки часто не доставало времени и необходимых познаний в духовной сфере, и он все чаще отсылал его за ответом к отцу Георгию.

После одной из таких бесед, в которых батюшка затронул тему смерти, Семке вдруг отчетливо представилась и своя собственная кончина. Еще в недавнем времени он решительно бы отверг саму эту мысль, но здесь в храме он привык видеть, как привозят покойных для отпевания, видел их застывшие безучастные маски лиц, и это уже не вызывало в нем чувства страха и трепета, как прежде. Семка стал принимать человеческую кончину, как обыденность и неизбежность, что позволило высвободить разум от лишних и ненужных эмоций. Батюшка при случае всегда говорил:

– Ну, что тут такого особенного? Умер человек... ну так что из того? Все мы когда-нибудь умрем! Вы вот говорите: «Преждевременно» или «мог бы пожить еще...» А я вот считаю, что напрасно так говорите! Откуда вы можете знать, что преждевременно? А может, вполне своевременно да и скорее всего, – что так и есть! И вообще, какие у нас есть основания, чтобы так нелепо рассуждать, кроме того, что это лишь наше желание. Мы всегда хотим, чтоб человек жил, ибо смерть всегда ненавистна, поскольку противоестественна ему! Что ж, это можно вполне понять. Однако можно с таким же успехом иметь желание получить в руки с неба Луну! Чем, спросим себя, это желание хуже нашего? А как вы полагаете: неужели пойманная мышка не хотела бы скушать поймавшую ее кошку? Думаю, наверняка. Только кто ей это позволит сделать? Давайте на миг представим, что бы случилось, если исполнились наши абсурдные, или подобные этим, безумные желания. Мир бы просто перестал существовать. А продолжает свое существование лишь потому, что все без исключения сферы бытия контролирует всезнающий Бог. Вопрос жизни и смерти конкретного человека, как и всех прочих людей, – исключительно в Его власти, и нам остается только принимать Его решение, как данность.

* * *

Поступая на работу в храм, Семен не предполагал, что ему придется заниматься самыми различными делами. Должность помощника завхоза подразумевала собой помощь с его стороны, где только требовалось. Везде, где была нужна мало-мальски мужская сноровка и сила, всегда приглашали Семку. Он никогда не отказывался и не вступал в словесные перепалки, а шел и помогал. Шла ли речь о помощи при облачении храма или загрузке продуктов в трапезную, или требовалось просто установить подставку для гроба. Наблюдая за людьми, которые приходили на отпевания, Семен постепенно стал подмечать для себя много интересного. Поначалу он видел лишь траурную толпу людей, покойника в гробу, окруженного цветами и прочими атрибутами похорон. На него какое-то время сильно действовал эмоциональный фон подобных мероприятий, но, с другой стороны, служебные обязанности, как работника, требовали его присутствия. Поначалу Семке было нелегко находиться на погребальных службах, и он всячески старался отойти в сторонку, особенно когда наступало время прощания с покойным. Его душу донимали вопли «убитых» горем вдов и матерей, которых иногда приходилось чуть ли не оттаскивать от гроба. Батюшка при этом всячески старался успокоить таких

людей, но порой, и ему это не всегда удавалось. Перед процедурой прощания он всегда старался сказать краткую проповедь, в которой делал основной акцент на милости Божией, которая не оставляет человека и после смерти, а живущим подает надежду на встречу с покойным в жизни вечной. Говорил батюшка и о грехах, которые являются главной причиной смерти, о необходимости покаяния и молитвы, о поминовении покойных и прочих важных вещах. Проповеди отца Георгия, вероятно, доходили до людей, и некоторых из них «задевали за живое», поскольку спустя какое-то время они стали появляться в церкви. Это, пожалуй, первое, что отметил для себя Семка. У него была неплохая память на лица, и данный момент не ускользнул от его внимания. А еще он отметил некое воздействие храма на людей, даже если оно оказывалось весьма непродолжительным. Ему казалось, что человек и за малое время, проведенное в храме, успевал внутренне измениться настолько, что перемены эти становились заметны и отражались на его внешности. Но самое поразительное было в том, что перемены эти касались не только живых, но и мертвых. Семка был поражен, заметив это однажды, и никогда бы не взял на себя смелость такое предполагать, и уж тем более, утверждать, если бы после очередного отпевания случайно не подслушал разговор двух молоденьких женщин, по всей видимости, близких подруг. Они уже покидали храм, когда одна из них взволнованно сказала своей подруге:

– Слушай, Вера! А тебе не показалось, что он улыбается?

– Кто улыбается? – переспросила та самая Вера.

– Кто-кто? Покойник! Вот кто. Ты что, не заметила, что ли?

Ведь, когда его только в церковь привезли, я подходила посмотреть и видела: у него *другое было лицо*. Последнюю фразу она даже выделила громким шепотом.

– Какое у покойника может быть лицо? Мертвое! Как у всех покойников, – попыталась связвить Вера. – Почему оно должно измениться?! Слушай, дорогая, не делай из меня дурочку! Я еще в своем уме, а ты вот, кажется, не совсем.

– Да точно тебе говорю, – не обращая внимания на колкость подруги, продолжала первая. – Он улыбался, я в этом уверена!

– Хорошо, – уже более спокойно сказала Вера. – Расскажи мне более подробно: почему ты решила, что он улыбался?

– Знаешь, Вера, – задумчиво рассуждала первая из подруг, – улыбки они ведь бывают разные. Можно улыбаться выразительно и откровенно, как говорят: «рот до ушей», а можно и совсем чуть-чуть, ну как Мона Лиза на известном всем портрете, одними уголочками губ...

– Слушай, Катя, – нетерпеливо перебила Вера подругу, – ты, я знаю, у нас художница, а вы художники – народ особенный. Вам все вокруг видится немного по-другому, я это тоже понимаю... но ты что лекцию мне сейчас готова прочитать? Давай, говори уже проще, что ты конкретно видела?

– Вера, я тебе скажу, как есть. Я хорошо запомнила его лицо до отпевания и сравниваю с тем, что увидела потом...

– И что, Катюня, ты все-таки видела?

– Во-первых, выражение лица покойного. До отпевания, я заметила, оно было какое-то сердитое. А во-вторых, это уже мелкие детали: сжатые губы, резко выраженные морщины и складки лица, заостренные в целом черты лица, и общее впечатление какое-то неприятное, отталкивающее. Такое выражение лица бывает, когда человек в обиде на всех...

– Ну, ты даешь, Катюня! – с восхищением в голосе воскликнула Вера, – и что? Поэтому это как изменилось?

– Да конечно! Совсем другое выражение лица! Как будто положили в гроб другого человека. Значит, смотри: сердитость куда-то исчезла, разгладились все черты лица, исчезла их напряженность, губы покойника чуть разжались и их уголки двинулись вверх... – а это уже

улыбка! И еще – лицо его стало такое спокойное и мирное, словно он простил всех, на кого был в обиде...

– Да... дела! – сказала Вера. И это было последнее, что удалось Семке услышать из разговора подруг, ожидавших своей очереди в раздевалку храма.

Еще до того, как Семен стал свидетелем этой необычной беседы, он подметил, как меняются иногда выражения лиц покойников после отпевания. Что касается живых людей, то с этим было все довольно понятно: человеку свойственно меняться с течением времени. Хотя нередко случается, что в результате сильного воздействия внешних обстоятельств такие перемены происходят много быстрее. Здесь же перемена происходила уже после смерти, вопреки всем законам природы: мертвое тело должно было оставаться неизменным и неподвижным, и это никак не укладывалось у Семки в голове. Он раньше ни за что не поверил бы в такое, случись ему это от кого-либо услышать, однако он сам был тому свидетелем, и как выяснилось, далеко не единственным.

Следующий день после того отпевания, когда он невольно услышал разговор женщин, был воскресный. Батюшка в числе прочих священников служил Литургию, и как обычно, отпустив людей, направился с ними в трапезную. Они расположились за центральным столом, согласно установившейся традиции. По центру обычно восседал настоятель храма, и лишь когда на приход приезжал с визитом правящий архиерей, это место уступалось ему. Настоятелем храма был известный нам отец Георгий. Он занимал эту должность уже более 15 лет и за это время воспитал и научил нескольких молодых батюшек. Один из них, отец Арсений сейчас находился здесь за столом. Семен в числе других служащих храма расположился за соседним столом. За трапезой батюшки часто обсуждали новости Церкви и текущие приходские вопросы, и Семен охотно слушал батюшек, желая извлечь для себя что-либо важное. За чаем они начали неторопливый разговор. Тему открыл тот самый молодой отец Арсений. Поводом для нее стала сегодняшняя проповедь батюшки, в которой он говорил о христианском долге, о необходимости участия каждого из прихожан в вопросах содержания храма, о добровольных пожертвованиях и церковной «десятине». Разговор случился непростой, ибо тема была давно назревшая, и как говорится, «с перчиком», отчего некоторые из батюшек, разгорячившись не в меру, допускали резкие высказывания и нелестные выражения в адрес современных «охлажденных» православных. Священники вспоминали, как они недавно подводили итоги, разбирая опросные листы, которые было предложено заполнить всем прихожанам церкви. Опрос проводился по инициативе священноначалия Церкви, и темой его являлась, как раз, «церковная десятина». Целью такого опроса, очевидно, было желание понять, что думают об этом рядовые прихожане, их отношение к церковной десятине, каковы их возможности регулярно совершать такое пожертвование? Многие из присутствующих батюшек участвовали в разборе этих листов и хорошо помнили итоговый результат. Опросников, в которых человек соглашался платить десятину, было крайне мало. Еще меньше было листков, в которых значилось: «я уже плачу десятину в пользу Церкви и намерен продолжать это и в дальнейшем». Опросников с подобным содержанием насчитывалось крайне мало – буквально единицы. В числе причин, объясняющих отсутствие возможности платить десятину, люди главным образом указывали свое материальное неблагополучие: «я пенсионер (инвалид, студент, домохозяйка и прочее) пенсия небольшая, едва хватает заплатить за квартиру и лекарства, приходится экономить на покупке продуктов». А еще люди писали: «Хотел бы помогать Церкви, но не деньгами, – нет возможности. Могу прийти и сделать что-нибудь в храме своими руками». И действительно, иногда приходили и предлагали помощь, хотя финансовые потребности храма от этого не становились меньше. Продолжая свой диспут, батюшки вспоминали события ближних и дальних исторических времен, как решался тогда подобный вопрос и, сравнивая ту ситуацию с нынешней, говорили о ней довольно резко. Батюшка внимательно слушал всех присутствующих и под конец, когда все желающие высказались, решительно заявил:

– Ну что ж, дорогие отцы, мне понятна ваша озабоченность, и я вполне разделяю ее. Нам всем не безразлично, что происходит сейчас в Церкви и в мире. Понимаю ваше желание видеть наши храмы в дорогом убранстве и благополучии, а собратий наших, не имеющих нужды. Все это, безусловно, хорошо, и мы не только заявляем о своем желании, но и в молитвенном делании призываем благодать Господню на «богохранимую страну нашу, власти и воинство ея». Мы просим Господа сохранить нас «во всяком благочестии и чистоте», а потому позвольте напомнить вам, что Церковь никогда не была отделена от народа, а всегда была с ним, служила ему и разделяла его судьбу. И вы это хорошо знаете не хуже меня. Отчего же, «друзи мои», в вас проскальзывает осудительный тон в отношении многострадальных граждан наших, на судьбу которых выпало не мало бед и страданий? Да и сейчас нашим людям нелегко. Сколько, по-вашему, получает обычный рядовой пенсионер? Вы вот, отец Виталий, – батюшка обратился в сторону сидящего по правую руку довольно молодого грузного священника, – вы говорите, что можно бы умерить свои расходы: «поменьше молока, колбасы и больше постных продуктов», чтобы оставалось на «десятину»... а вот скажите нам: сколько стоит ваша квартира, что недавно купили?

– При чем здесь это?

– А все-таки?

– Ну, четыре миллиона...

– Вот видите. Десятина с этой суммы будет четыреста тысяч. Вы, я полагаю, уже принесли ее в храм?

– Ничего не принес... Как я мог это сделать, я же ее в кредит ее покупал!

– А вот давайте разберемся с этим, – предложил отец Георгий.

– Вы, отец Виталий, должно быть, посчитали сумму переплаты, что с вас возьмут бандинты... простите, банкиры за кредит, так?

– Да, конечно. Миллион с чем-то. Мне повезло, я успел под хороший процент еще взять...

– Получается, дорогой отец, вас не смущает, что отдаете «миллион с чем-то» церковных денег людям, которые их получают от вас, даже не ударив палец о палец!

– Почему же церковные? Это мои деньги, честно заработанные!

– А вы, простите, где их заработали? На заводе или, может, на шахте?

– Что за вопрос, отец Георгий? Здесь, в церкви...

– Ну, так тогда вам должно быть ведомо, что нашего с вами здесь нет ничего. Понимаете? Ни-че-го! – очень твердо произнес батюшка.

– Пойдите, – возразил ему отец Виталий, – А как же тогда называть то, что мы регулярно получаем в кассе храма? Что это, как ни зарплата?

– Отчасти вы правы, отец Виталий. Как это не назови, – все равно, это конечно, деньги. Но мы-то с вами должны различать, поскольку мы служители божии, и нам дано разумение не только из книг, но и свыше. Все мы здесь прошли через таинство священства, а это дает как особое знание, так и особую ответственность. Помните «тридцать сребренников» Иуды, полученные им за предательство Христа, и что стало с ними впоследствии?

– Да, конечно. Перед тем как удавиться, Иуда возвратил их членам синедриона, а они купили на них землю для погребения бездомных бродяг.

– Вот именно! Даже эти окаянные грешники, погубившие Иисуса, не смогли вернуть эти деньги обратно в церковную кассу. Они понимали: на них – кровь человеческая и потому постарались хоть как-то отмыть ее добрым поступком. Как сказали бы сейчас: совершили благотворительный акт. Надеюсь, что сейчас вы уже понимаете, что получаемое нами время от времени в кассе храма, никак *нельзя называть зарплатой*? Поскольку здесь имеются и «две лепты вдовицы», что та дала Богу. И эта ее жертва, как вы помните, оказалась Ему приятней многих тысячных вложений богачей, ибо они от избытка своего давали на храм, она же отдала последнее – «все свое пропитание». Вы, наверное, никогда не видели, как наши бабушки, стоя у

кассы, трясущимися руками выгребают из кошелечков последние монетки, чтобы купить одну единственную свечку? Я вот видел, и советую вам: ступайте, посмотрите, и возможно, кое-то поймете. У меня сердце кровью обливается, когда я вижу подобное. Скажу честно: иногда тянет желание подойти и дать денежку...

Однажды произошел такой случай: я подошел и предложил одной плохо одетой женщине помощь, а я тогда еще не был в сани. Знаете, она с благодарностью посмотрела на меня и сказала:

– Сынок, спасибо тебе за доброту твою, но ты бы не портил меня грешницу лишними деньгами. У меня вот на свечку есть да и ладно! А сколько мне нужно, мне Бог дает. А все что сверх того – во вред только будет. Ты, если подать хочешь, сюда вот, в ящичек лучше положи, – на храм, и будет тебе польза.

– Вот как бывает, отцы, – сказал отец Георгий. – Я сейчас прежде хорошенько подумаю, прежде чем предложить человеку помощь... Нет! Я не говорю, что нельзя давать милостыню, ибо Господь нас к этому призывает: «блаженны милостивые...», однако и здесь надо иметь разумение и рассуждение. Определенно, эта старая женщина была во многом права. Мы утратили веру и уже не надеемся на Господа, который говорил своим ученикам: «не беспокойтесь и не говорите: «Что будем есть, что пить, во что одеваться?» (Мф. 6:31), ибо Он хотел, чтобы мы всегда и во всем полагались на Него. Помните, Он приводил еще в пример птиц небесных, «которые не жнут, не сеют, не собирают в житницы», а Бог, тем не менее, заботится и питает их. Меня поражает порой вера простых людей, которые не изучали богословских наук, как многие из нас, но оказывается, что они ближе к истинной вере и лучше понимают ее суть. Она вполне справедливо заметила: *«сколько мне нужно, мне Бог дает»*. Действительно это так: меньше необходимого Господь дать не может, а больше, не всегда идет человеку на пользу. Как было бы хорошо, чтобы это понимали люди!

Батюшка ненадолго замолчал, но что-то вспомнил и продолжал:

– Вот, к слову, расскажу еще один случай: помню, работал тогда простым слесарем в автомастерской. Я ездил автобусом на работу и сходил на одной и той же остановке, возле которой частенько наблюдал старенькую бабушку, просящую милостыню. Когда в кармане оказывалась мелочь, я с удовольствием клал ей в баночку. Мне нравилось подавать милостыню, поскольку уже посещал храм, и мне думалось, что я кое в чем разбираюсь. Однажды, во время обеда я забежал перекусить в маленький кафетерий, находящийся неподалеку от этого места. Расположившись за столиком, мне было хорошо видно все вокруг. И вот заходит та самая бабушка, и уверенно направляется к прилавку. Она по-свойски, как со своей подругой, поздоровалась с продавщицей и с небрежной деловитостью бросила: «Давай, Семеновна, принимай!» – и вывалила на прилавок груды мелочи из карманов и той самой жестяной баночки. У меня стало как-то не совсем приятно на душе от увиденного, но я решил, что ничего особенного не происходит: человеку просто необходимо поменять мелочь на купюры. Продавщица стала быстро пересчитывать мелочь, выбирая монеты, покрупней достоинством. Когда на прилавке оставалась еще довольно большая кучка монет, бабушка махнула над ней ручкой и небрежно бросила: «Ну, все, Семеновна, а это себе забирай!» Продавщица кивком головы поблагодарила, и подала бабушке несколько купюр. Бабуля аккуратно убрала крупные деньги в бумажник и направилась в сторону остановки.

– И как, отец Георгий, – спросил кто-то из отцов, – подавали вы ей после того случая?

– Конечно, подавал. Я тогда думал да и сейчас тоже: кто я такой, чтобы судить человека? Ведь очень часто все оказывается совсем не так, как нам видится.

Трапеза закончилась, и отцы уже допивали чай. Сотрудники, закончив обед, разошлись по своим делам.

– И все-таки, отец Георгий, – подал голос отец Виталий, – Хотелось бы знать: как бы вы обозначили это наше денежное довольствие?

– Денежное довольствие? – задумчиво произнес батюшка, – такое выражение скорее подходит к военнослужащим. Для военных это основное средство их материального обеспечения и стимулирования выполнения служебных обязанностей. Вполне возможно, что оно вошло в обиход из Евангелия. Помните, когда к Иоанну Крестителю приходили воины и спрашивали его: «А нам что делать? И сказал им: никого не обижайте, не клеветайте, и довольствуйтесь своим жалованьем». (Лк. 3: 11) Смысл слова «довольствие» как раз и призывает довольствоваться, то есть удовлетворяться тем, что дали. Иначе говоря, – обходиться без излишков. Кстати, это вам ничего не напоминает? – батюшка с чуть заметной хитринкой улыбнулся, посмотрев на собеседников. Однако понимая, что разговор затягивается, сказал:

– Ну, хорошо, друзья, давайте уже не будем уходить в сторону и перейдем непосредственно к теме. Так вот, я бы назвал наше с вами денежное содержание словом «мзда». И может сейчас кое-кто из вас мысленно притянул к этому слову грех «мздоимения», «мздоимства», что ничего не имеет общего с тем, что мы получаем вполне законно, ибо «Трудящийся достоин пропитания» (Мф. 10: 10). Мздоимство возникает, когда человек получает несправедную мзду вследствие вымогательства или не заслуженности ее. Все, конечно, слышали выражение: «грязные деньги». И грязные они, конечно, не от того, что их уронили в грязь, а от того, что, так или иначе, стали причастны к худым делам человека. Те же «тридцать сребренников», о которых недавно говорили, – грязные деньги. И не случайно члены синедриона постарались поскорей от них избавиться. Деньги становятся «грязными», если украдены или отобраны у законного владельца, стали участниками обмана или аферы, были получены в результате обмана или аферы, были получены в результате подкупа или взятки, а также других противозаконных дел. Однако здесь имеется в виду не закон человеческий, поскольку с этим-то как раз может быть и «все в порядке», но Закон божий. Грязные деньги никогда не приносят человеку пользы и не делают его счастливым. И, как мы видим, это понимали даже в древности, но сейчас – не всегда. Людям в современном обществе даже порой в голову не придет, что деньги-то всегда разные. Вот наша с вами церковная мзда – это чистые деньги. Они остаются чистыми, пока используются на благие и естественные нужды. Например, содержание семьи, благотворительную помощь, строительство жилья и другие цели, не противоречащие божьему закону. Такие деньги исполнены благодати божьей, приносят пользу и радость, преумножают благополучие их владельца. Совсем другая картина, когда деньги «нечистые». Они приносят человеку много беды и горя. Подобно тому, как на всякие нечистоты слетаются мухи, так и порожденные грехами людей грязные деньги, притягивают к себе множество бесов, а уж от них-то добра ждать не приходится. И уж нам, служителям божьим, следовало бы, внимательней относиться к тому, в чьи руки попадает наша церковная денежка, очищенная благородными трудами и молитвой; успеет ли она поработать на добро или будет тут же перемолота жерновами зла. Вот что нужно всегда иметь в виду. И давайте уже на сегодня закончим».

* * *

Поговорив, отцы стали расходиться из трапезной. Семка слышал весь этот разговор, тема которого весьма поразила его и изменила прежние представления. Однако, как ему показалось, осталось много из того, что требовало прояснения, во всяком случае, для него. В тот раз он не стал донимать батюшку расспросами, понимая, что отец Георгий и без того устал после службы. Через пару дней, согласно установленной чередности служения, они должны были снова увидеться в церкви, и Семен решил, что тогда и спросит батюшку.

Болезнь понемногу отступала, и головная боль все реже проявляла себя, чему особенно радовалась мама. Его домашние к этому времени, утратив изрядную часть тревожных воспо-

минаний, стали все чаще возвращаться к вопросу о дальнейшей судьбе сына. Они наблюдали явное улучшение состояния его здоровья, и отец, который расценивал его нынешнее служение в церкви подобно пребыванию в реабилитационном центре, стал поговаривать о необходимости «заняться делом». Поначалу отец выражал лишь беспокойство, что Семен, проводя много времени в церкви, мало бывает на свежем воздухе, что имелось в списке рекомендаций лечащего врача. Кроме того отца беспокоил крайне «бестолковый», как он говорил, и неравномерный режим работы сына. Его тревожило, что все это может вновь спровоцировать болезнь. Хотя в тот же самый момент он заявлял, что наверно уже пора возвращаться к прежней жизни, а для этого, первым делом, следовало Семену оставить «несерьезную» работу в церкви. Отец поговаривал, что «приложит все свои усилия», чтобы сына зачислили в университет. Мама Семки слышала все эти разговоры отца и лишь из солидарности соглашалась с ним. В душе она непреложно оставалась на стороне сына, понимая, что все позитивные изменения, что случились с ним, появились благодаря его службе в церкви. Впрочем, в присутствии Семки отец этих разговоров старался не заводить, но некоторые нейтральные темы все же поднимал. Особенно часто папа вытаскивал из памяти события своей студенческой поры, вспоминая, как они в компании друзей весело проводили время: катались на коньках и лыжах, ходили в турпоходы и танцевали на дискотеках. Мама не всегда присутствовала при этом, и тогда отец позволял себе некоторые «вольные» подробности, пересказывая Семке свой начальный опыт общения с девушками. Но это, как казалось отцу, совершенно его не интересовало, отчего отец временами «заводился», и уже не стесняясь присутствия матери, выговаривал Семке такое, что должно было задеть его мужское самолюбие. Семка старался всячески отшучиваться при этом, подогревая тщеславный помысел отца: видеть сына большим и важным человеком, которым можно было бы впоследствии гордиться. Он говорил при этом, что «девушки никуда не уйдут», а вот завершить свое образование, – вопрос куда более важный! Отец от такой Семкиной позиции сразу становился добрей, и часто выражал ему свою поддержку методом финансового стимулирования. Сема не отказывался от денег и почти всегда использовал их на благотворительность. Для этой цели в храме у него были заранее заготовлены пакеты с небольшим набором продуктов, которые он при удобном случае вручал под видом помощи от некоего благотворительного фонда. Он приучал себя к наблюдательности в отношении людей, приходящих в храм, и уже довольно точно, мог определить: нуждается человек в средствах или нет. Он старался сделать это незаметно и обычно догонял и вручал пакет человеку, уже покидающему церковь. Особенно остро Семка переживал, когда замечал одиноких престарелых людей. И здесь не требовалось особой наблюдательности, чтобы понять, что человек бедствует. И вообще, Сема очень жалел стариков, понимая их беспомощность перед миром, который с каждым годом не становился добрей, но наоборот: выискивал слабых и немощных, чтобы поживиться за их счет. А потому, тот последний разговор в трапезной глубоко запал ему в душу, и Семке очень хотелось бы прояснить для себя некоторые моменты, затронутые в нем.

Через два дня, как он и предполагал, они с отцом Георгием снова служили вместе. По окончании Литургии они направились в трапезную, у Семки уже был готов вопрос. Батюшка уже ждал, что любопытный юноша будет его сейчас допрашивать. Они молча пообедали, и когда чай уже был на столе, отец Георгий многозначительно взглянул на Семку и спросил:

- Ну что тебя беспокоит, Семен?
- Да вот вы недавно говорили про церковную десятину...
- Говорили, да, и что ты конкретно хотел бы уточнить?
- Многие считают, раз это «ветхозаветная заповедь», то есть древняя, устаревшая, – и она уже не актуальна. Тем более, и отец Виталий явно против нее, да и другие, как я понял,

тоже – совсем не намерены ее платить. Но вы дали понять отцу Виталию, что он не прав... так, как же это все понимать?

– А ты молодец, Семен! – сказал отец Георгий, – начинаешь задавать все более сложные вопросы. Я скажу так: ты далеко не единственный, кого беспокоит эта тема. Вопрос довольно сложный и является неким камнем преткновения для многих христиан до сих пор. Здесь трудно ответить однозначно. Если сказать, что отец Виталий прав, в этом не будет ошибки. С другой стороны, не очень-то и прав. Что касается личного мнения отца Виталия, впрочем, как и моего, то наши мнения в данном случае ничего не стоят для понимания Истины. Во-первых, мнение одного или нескольких человек еще ничего не определяет. Не случайно решение важнейших для Церкви вопросов, начиная с IV века нашей эры, стали выносить на рассмотрение церковного собрания – Соборов, где коллективным разумом при содействии Святого Духа находили верное решение. Потому и Церковь нашу называют соборной и апостольской. Апостольской еще потому, что начало ей положили святые апостолы. Закон о церковной десятине входил в свод законов (заповедей), данных иудейскому народу через пророка Моисея в значительно более ранние времена, задолго до рождения Христова. На протяжении веков Закон этот действовал и соблюдался. Сам Господь был ревностным исполнителем Закона. До момента Его выхода с проповедью Евангелия мы нигде не встречаем и намека, на нарушение Им какой-либо из этих ветхозаветных заповедей! Более того, Сам Господь говорит: «Не думайте, что Я пришёл нарушить закон или пророков: не нарушить пришёл Я, но исполнить» (Мф. 5:17). И выходит, что Господь призывает своим примером к исполнению Закона. Вспомним, что Господь был обрезан и принесен в храм в полном соответствии с Законом. Однако после своего выхода на проповедь Евангелия, его отношение к Закону меняется. Мы видим многочисленные чудеса и исцеления, которые Он в назидание иудеям творил в день субботний, который был законным днем покоя.

Сам Господь говорил, что «Суббота для человека, а не человек для субботы» (Мк. 2:27–28) Исцеляя людей в субботу, он формально нарушал Закон, и многократно получал упреки от иудеев. Но не нарушение Закона было Его целью, Господь лишь хотел показать, что имеющий власть творить все эти чудеса, то есть действовать вопреки естественным законам природы, *имеет власть и менять закон*, данный людям. Здесь во всем прослеживается удивительная последовательность действий Христа. Мы не видим ничего, что так или иначе навредило бы людям, наоборот, все Его дела исполнены милости и направлены к спасению падшего человечества! Мы должны понимать: пришествие Христа коренным образом изменило отношения человека с Богом. Новый Завет – это новый закон, данный людям – Закон Любви и благодати. «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга», – так сказано в Евангелие от Иоанна. Все четыре Евангелия приводят к его заключительной и высшей точке – жертве Христовой, которая и разделила эти два завета, упразднив прежний закон и высвободив нас из рабства греха и смерти. "Я уже не называю вас рабами, ибо раб не знает, что делает господин его; но Я назвал вас друзьями, потому что сказал вам все, что слышал от Отца Моего" (Ин. 15:14). Принимая новый Завет, мы принимаем и Христа, и наоборот, кто решает соблюдать какую-то часть закона Моисеева, становится «обязанным соблюсти весь закон» (Гал. 5:3). Десятина является «частью того закона – закона Моисеева» (Евр 7:5), поэтому те, кто решает давать десятину сегодня, должны также соблюдать и другие положения Закона: о субботах, о жертвоприношениях, обрезании – то есть продолжает оставаться рабом Ветхого Закона, «но ведь Христос освободил нас» (Гал 5:1). Таким людям апостол Павел говорил: «Нет вам пользы от Христа» (Гал. 5:2), и добавляет: вы «отделились от Христа, отпали от благодати» (Гал. 5:4)

– Так что, батюшка? Получается, что десятину давать не нужно, и отец Виталий прав?

– Не совсем. Ты, надеюсь, понимаешь, что на содержание церкви нужны деньги. Сегодня христианам предлагается давать столько, сколько они в состоянии дать или пожертвовать (1

Кор 16:1–2). Христиане должны «выделять средства, не из-за необходимости, но по доброй воле» (2 Кор. 9:6–7). Мы сами должны определять, сколько можем выделить на пожертвование для нужд церкви. Любовь нашего сердца поможет нам действовать согласно истине и законам Бога. Поэтому «десятины» в ее чистом виде быть не должно. Но это вполне может быть и пятая часть, и двадцатая, и пятидесятая часть, или даже половина – все зависит от воли самого человека. А потому само понятие «десятина» должно понимать, как необходимость исполнения наших обязанностей по содержанию церкви, но не «буквально».

– А еще вот такой вопрос, отец Георгий:

Мне иногда доводилось наблюдать, как люди по виду очень даже состоятельные, покупали самые дешевые свечки или вот: когда я прохожу по храму с тарелочкой и собираю пожертвования, то кладут какую-то мелочь или даже вообще ничего.... Где же тут «любовь сердца», о которой вы говорите? Ведь зачастую люди бедные и нуждающиеся дают гораздо больше....

– Как и в том случае с евангельской бедной вдовой, давшей две лепты, и получившей одобрение у Господа, – помог завершить вопрос отец Георгий, уловив его смысл.

– Понимаешь, Семен, в данном случае мы можем рассуждать лишь отвлеченно, так сказать, абстрактно: без привязки к конкретной личности человека, дабы не впасть в осуждение. Давай представим себе, что есть человек богатый и есть бедный. Налицо явное неравенство. Мы не будем с этим разбираться: хорошо это или худо. Ясно одно: раз Бог такое допускает, стало быть, это зачем-то необходимо, а потому не может являться чем-то плохим для людей. Заметь: во всем Евангелии мы не найдем и намека на осуждение социального неравенства, существовавшего во времена жизни Иисуса, в самой его агрессивной и ужасной форме – рабства. Что может быть страшнее, когда человека могли продать за долги: его самого, семью, жену, детей. Сама жизнь раба ни имела никакой ценности и могла оборваться в любой момент по прихоти хозяина. Но мы видим: Господь относится к этому вполне нейтрально, хотя в то же время Он не безучастен к страданиям конкретных людей и старается всячески их от этих страданий избавить. Исцеляя человека от тяжкого недуга, Господь говорит: «Иди, и больше не греш!»», тем самым определяя грех, как причину его бедствий. Господь не делает при этом различия: будь то раб или свободный гражданин, равно как и по степени его материальной обеспеченности. И что это нам дает, и что следует уяснить из данной ситуации? Во-первых, как мне кажется, всю эту ситуацию с таким ужасающим социальным расслоением, принимая ее, как неизбежность, Господь в то же время никак не мог считать ее нормальной, подтверждая это своими делами милосердия. А во-вторых, здесь явно прослеживается Его желание показать людям, что не нужно искать причину бедствий человечества в социальном неравенстве, ибо причина – в самом человеке. И как мы видим, человечество до сих пор не может принять это как истину и продолжает активную борьбу за социальную «справедливость». Мы только и видим, к чему приводят социальные, демократические и прочие эксперименты над людьми, и как страдают от них люди. Вот и ты задаешь мне вопросик, отдающий «социальным душком»...

– Ну, хорошо, отец Георгий, – рассудительно проговорил Семка, – возможно я не очень удачно выразился. Хотелось бы понять, как с точки зрения божьей может выглядеть подобная ситуация. Неужели она нормальна, и мы должны не обращать ни на что внимания?

– Очень даже должны, Сема! – по-отечески мягко, но с некоторым напором в голосе заметил батюшка, – всенепременно должны! И если мы будем ни на что не обращать внимания, то неизбежно погибнем. Здесь крайне важно знать, куда смотреть и на что следует обратить внимание.

– И куда же нужно смотреть?

– Святые отцы Церкви учат нас, что смотреть нужно не по сторонам, наблюдая при этом, кто и как грешит, а стараться смотреть внутрь себя, чтобы вовремя заметить живущий в нас грех и постараться избавиться от него.

– Я кое-что читал про это. Но мне кажется, все это написано для монахов.

– Не только для монахов, или ты полагаешь, что Царство Небесное, которое обещал нам Господь, тоже только для монахов?

– Наверное, нет, но все же я думаю, что у простых людей не получится ни молиться, ни трудиться, как они.

– Да в этом и нет необходимости. Каждый должен заниматься своим делом. Всякому человеку дан свой особый дар, посредством которого ему належит исполнить свое предназначение, ради которого живет. И монахов в общем списке людей найдется не так и много. Но из этого не следует, что всем прочим дано «освобождение от физкультуры». Бог с каждого спросит: «Как ты жил на земле? Стремился ли жить по Моим Заповедям? Имел ли Любовь к ближнему? Помогал ли бедным?..»

Батюшка на миг остановился, словно спохватившись, и как будто для себя заметил:

– Ну вот! Опять вернулись, словно к «разбитому корыту», – разговору о бедных и богатых.

– Так давайте проясним, батюшка, если, конечно, я вас не очень задерживаю, – попросил Семка.

Отец Георгий взглянул на часы, и, дружески улыбнувшись, сказал:

– Ну, куда от тебя денешься? Ладно слушай! – батюшка на секунду задумался и уверенно продолжил.

– Ты никогда не обращал внимания, как звучат и какой несут смысл такие выражения: «бедный бедствует беду, а богатого богатит бог»?

– И что тут неясного? Однокоренные слова и выражения, – только и всего!

– Разве? И что, совсем не хочется понять, почему «одним все», а другим «ничего». Меня то вот частенько об этом спрашивают.

– Так мы уже об этом только что говорили! Вы же меня убеждали, что вопрос социального неравенства вне компетенции человеческого разума, а стало быть необходимо принимать ситуацию, как есть. Разве нет?

– Да, Сема, да! Так и есть. Но есть один маленький нюанс.

– Какой же?

– Пытаться понять причины происходящего и пытаться сломать божественное установление – это, как говорят в Одессе, «две разных вещи». Мы с тобой сейчас занимаемся «первым», а «вторым» занимаются господа социалисты, пытаясь вопреки воле Божьей сломать устройство мира и переделать его по своему усмотрению. Наша задача – понять смысл такого устройства, усмотреть в этом нечто положительное и полезное человеку. И первое, в чем необходимо разобраться, почему быть богатым не всегда хорошо, а бедным – не всегда плохо. В обычном человеческом понимании здесь как раз все наоборот. Большинство людей ищут богатства, которое, по их мнению, является ключом к разрешению всех проблем, открывает многие возможности, обеспечивает сытое и беспечное существование. Ради достижения этой цели человек зачастую «кладет на кон» все свои активы: здоровье, талант, расположение к себе, дружбу, любовь близких, а порой и саму жизнь! Получить выигрыш удастся не всем, но иногда некоторым улыбается удача. И ухватив ее «мертвой хваткой», человек решает для себя: «Ну, все! Сейчас начнем жить по-новому, по-настоящему!»

Кстати, Семен, – спросил батюшка, – Тебе это ничего не напоминает?

– Конечно, отец Георгий! – отозвался Семен, – Еще как, напоминает. Неделю назад на Литургии читалось Евангелие «о безумном богаче». Я хорошо его помню.

– И что там произошло после того, как человек неожиданно получил огромное богатство?

– Ничего хорошего. Он умер, так и не успев им воспользоваться!

– А еще в конце этого чтения прозвучали назидательные слова: «Так случается с тем, кто в себя богатеет, а не в Бога».

– Мне как раз хотелось бы уточнить, батюшка: что значит «богатеть в Бога»?

– Давай вначале попробуем разобраться, зачем Бог дает человеку богатство, выделяя его из прочих людей? Может, за какие-то заслуги? Нет! Это мы явно видим из притчи. Богатство неожиданно «свалилось» на человека, и он был к этому совершенно не готов. Тогда зачем?

– Мне кажется, – задумчиво сказал Семка, – это для того, чтобы человек делился им с другими людьми...

– Молодец, Семен! Другого объяснения быть не может! Господь все время пытается донести до нас важнейшую истину: только Любовь может победить в мире зло и привести человека к Богу! Но прежде, чем полюбить неведомого Бога, нам крайне необходимо сначала научиться любить «ближнего своего», то есть тех, кто вокруг нас. Без взаимной любви друг к другу не сможет состояться и наша долгожданная встреча с богом. И вот они – эти две главные заповеди Нового Завета!

На протяжении всего Евангелия мы видим множество раз, как Господь являл свою милость людям и конкретно призывал к этому и нас. «Милосердие, милостыня» – это не только однокоренные слова. В них заключена программа спасения для того, кто воплощает их смысл в реальной жизни. Получая от бога богатство, человек вместе с ним получает и обязательство по преумножению любви в своем окружении через дела милосердия и добра. Безусловно, человек должен это делать вполне осознанно и добровольно, ибо никакое насилие бог не приемлет. Очень важно еще, чтобы милостыня совершалась втайне. «У тебя же, когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая» (Мф. 6:3) Если человек творит доброе дело напоказ, в свою славу, то милость его теряет у Бога цену. Творить милостыню – оказывается не так и просто. Человеку придется столкнуться с множеством помышлений гордости и тщеславия, не одолев которых, он не сможет стать достойным распределителем божьих благ. Вот только так богатый человек и должен полагать о себе: быть честным приказчиком в деле раздачи божьих милостей и верным Его слугой.

– Ого, батюшка! Это же невозможно трудно...

– Все верно, Господь так потому и сказал: «Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие!» (Мф.19:24). Но он еще добавил: «что невозможно для человека – возможно богу» И это так: человеку становятся под силу невозможные вещи, если он призовет себе в помощь Бога, и не будет полагаться только на свои силы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.